

Кому нужны русские писатели в Париже

Новые Известия —
— 2001 — 31 мав. — с. 7.

— Вы стахановка, ударник и рекордсмен переводов. Кажется, никто во Франции не перевел так много книг, как вы...

— Дело не столько в цифрах, сколько в выборе. Я никогда не переводила, что попало или что мне предлагали. Все мои авторы исключительно благородные и хорошие люди, даже если у них очень тяжелые сюжеты. И я никогда не бралась ни за что сомнительное, никогда не бегала за модой.

— Как вы стали переводчицей?

— Это очень забавная история. Можно сказать, что я стала переводчицей, когда мне было 8 лет. Тогда я в школе начала изучать английский. И мне ужасно хотелось переводить. Мне давали малюсенькие карманные деньги, и я копила, чтобы купить себе тетрадошку. И на этой тетрадошке я написала «Перевод». Взяла какую-то книжонку и стала переводить с английского... После войны меня познакомили с Ремизовым, которого я очень уважала. (Кстати, он свою фамилию всегда произносил с ударением на втором слоге, а не на первом, как сейчас это делают). И я перевела одну его вещь и отнесла в издательство «Галлимар». Тогда там «царствовал» над переводами человек, который прочел мой труд, вызвал меня и сказал: «Вы никогда переводчиком не будете... Вы серая, и ваш перевод серый, нинтересный».

— Выходит, ошибся...

— Немножечко.

— А у вас есть русские корни?

— Родители мои русского происхождения. Они приехали в Париж совсем молодыми, где-то в 10-е годы. За несколько лет они настолько офранцузились, что и моему старшему брату, и мне запрещалось говорить по-русски. Уже после революции к нам приехала из России бабушка. Она была старенькая и никак не могла выучить французский. И с бабушкой пришлось говорить по-русски, очень плохо, но все-таки говорить. Потом я поступила в Институт восточных языков, и все встало на место.

— Ваш первый опубликованный перевод?

— Очень популярная в свое время книга Анатолия Кузнецова «Продолжение легенды».

— Чем вы объясняете успех «Волоколамского шоссе» Александра Бека в вашем переводе?

— Достоверностью и правдивостью. Книгу изучали во французской военной школе по той причине, что она помогала понять психологию русского солдата.

— Вы, кажется, участвовали в Сопротивлении?

— На протяжении двух лет в Лионе.

— Помимо Ремизова вы переводили других русских писателей-эмигрантов?

— Нет. Мне их книги как-то не попадались. И поскольку я француженка, всегда жила французской жизнью, то среди эмигрантов я не вращалась.

— Вы в свое время способствовали вывозу опального альманаха «Метрополь» и его публикации во Франции...

— Да, но привезла его не я, ибо мне хотелось продолжать ездить в Россию. Поэтому я действовала анонимно. В Москве Аксенов познакомил меня с «Метрополем», а я уговорила издателей опубликовать его во Франции.

— Вы монополизировали Аксенова, переведя чуть ли не все его книги...

— Кроме самых первых. Я начала с «Затоваренной бочкотары» и с тех пор ни одной не пропустила. Последним романом стал «Новый сладостный стиль», который вышел полтора года назад.

— Кто ваш любимый писатель?

— Моя самая большая гордость — это перевод всей художественной прозы Тьнянова. Раньше он был абсолютно неизвестен во Франции.

— А за Достоевского вы брались?

— Мой перевод «Записок из подполья» был признан лучшим из семи, представленных на конкурс, и рекомендован для изучения в Высшей нормальной школе.

— Надо ли непременно любить писателя, которого переводишь?

— Обязательно. Когда мне предлагали Бунину, я отказалась. Не потому что Бунин плохой писатель, Боже упаси! Он замечательный, но человек злой, и это чувствуется во всем, что он написал.

— Есть ли такие авторы — скажем, Платонов, которых практически невозможно перевести?

— Именно Платонова, которого

ГЕНАДИЙ БОГАТЫРЕВ

Достоевский, Чехов, Александр Островский, Платонов, Тендряков, Тьнянов, Пастернак, Мандельштам, Шукшин, Айтматов, Аксенов, Ахмадулина, Бабель, Катаев, Казаков, Трифонов, Владимов, Радзинский... Известная французская переводчица Лили ДЕНИ перевела в общей сложности около 70 русских романов, 40 пьес и несколько оперных и балетных либретто. Сейчас в разных городах Франции идет в ее переводе пьеса Венямина Смехова «Две сестры», повествующая о судьбе Лили Брик и Эльзы Триоле, с которыми сама Лили Дени была хорошо знакома.

считаю одним из своих самых любимых писателей, я перевела — и, кажется, удачно, несмотря на все языковые трудности. Он пишет будто глиной, а не чернилами. И все растет из этой глины, и на ней жидется целый мир.

— Ваше творческое кредо?

— Держаться ближе к оригиналу, быть по возможности близкой к нему стилистически. Такой близости никогда не добьешься, если переводить дословно, и поэтому к каждому писателю надо находить свой языковой ключ.

— Главные проблемы в переводе с русского?

— Когда-то мне были трудны российские реалии, но после стольких лет общения с русскими я это преодолела. Проблемы порой связаны с тем, что французский язык невероятно точный, тогда как русский не столь определенный. Например, даже простую русскую фразу «платье длинное» можно интерпретировать по-разному — то ли оно просто длинное, а не короткое, то ли оно слишком длинное...

— В чем еще, на ваш взгляд, различие двух языков?

— Русский гораздо свободнее. Французский язык находится как бы в корсете, там не допускается ни одной лишней запятой.

— Отражается ли душа народа в языке?

— Несомненно. Про русский язык и про русского человека можно сказать, что они более щедрые и более открытые. А про французский и француза — что они более интеллектуальные, более сухие.

— Надо ли переводчику ездить в Россию, чтобы проникнуться ее атмосферой?

— Обязательно. Я была в России 29 раз и очень страдаю из-за того, что уже три года там не была.

— Работая со здравствующими писателями, вы вступаете с ними в контакт?

— Непременно. Если их нет в живых, то консультируюсь со специалистами по их творчеству.

— Многие из писателей, которых вы переводили, приезжая в Париж, останавливаются под вашей крышей...

— Не только писатели, но и артисты. Майю Плисецкую я и переводила, и принимала у себя дома.

— Нужно ли заново переводить книги?

— Как ни странно, переводы стареют. Язык, стиль с годами меняются. Могу сказать, что Достоевского надо перевести заново. Но сейчас за него взялся переводчик из модернистов, и у него герой Достоевского говорит merde («говно»). Это не лезет ни в какие ворота.

— Издание русского романа во Франции — дело заведомо убыточное. Неужели здешние издательства руководствуются, выпуская их, благотворительными соображениями?

— Издатель всегда надеется, что

обнаружит шедевр. Кроме того, Галлимар-отец, когда предложил мне заниматься русской литературой в своем издательстве, сказал: «У меня такая философия. Я могу издать 49 книг в убыток. Если 50-я меня выручает, я говорю «спасибо» и продолжаю. Ну а переводить и издавать хорошего автора, который плохо продается, делает мне честь».

— К сожалению, русские книги расходятся здесь микроскопическими тиражами...

— Все зависит от автора. Некоторые выходили огромными тиражами. Например, аксеновская «Московская сага» разошлась тиражом в 30 тысяч — это огромная цифра для перевода с любого языка. Большими тиражами выходил и Солженицын.

— Вы его переводили?

— Нет. По той причине, что я не хотела слишком «привязываться» к диссидентству. Мне надо было ездить в Россию.

— То есть, если бы вы переводили автора «Архипелага ГУЛАГ», для вас путь в СССР был бы закрыт?

— Конечно. И так у меня были неприятности с КГБ. Однажды, когда я приехала в Москву, на таможне стали рыться в моем чемодане. Рылись долго, стали фотокопировать бумаги, а потом офицер, который мной занимался, говорит: «Надо вас обыскать». Я отвечаю, пожалуйста, но чтобы это делала женщина. И пришла такая русская бабушка, толстенная, в платочке, завела меня в комнату, закрыла дверь и смотрит на меня. Я на нее. Она говорит: «Деточка, да видно сразу, что вы ничего плохого сделать не може-

те». Дала мне конфету и предложила: «Давайте минут 10 постоим, а потом скажем им, что я вас обыскала». Вот такая русская добросердечность.

— Ну а в КГБ «добросердечные» люди вас не вызывали?

— Туда нет. Здесь в советском посольстве был один «дипломат», который постоянно делал мне неприятные намеки, а другой как-то сказал: «Я бы на вашем месте Аксенова не переводил». Я ответила, что Аксенова я переводила, перевожу и буду переводить.

— Луи Арагон сделал очень много для популяризации нашей беллетристики, создав еще в 50-е годы серию «Советская литература», и сам перевел айтматовскую «Джамилу»...

— В «Галлимаре» он выпустил книг 15, а потом вызвал меня и попросил: «Знаете, мне надоело. Займитесь, пожалуйста, этим вместо меня». Но после смерти Арагона издатель эту серию прекратил.

— Несмотря на все его усилия, русская литература за исключением Толстого, Достоевского и Чехова здесь остается terra incognita...

— Для французов она вторична — по сюжету, конечно, не по стилю. Кроме того, в иностранной литературе бывают разные волны. Помню, лет 40 назад в моде были писатели из Сицилии. Потом латиноамериканские, затем немецкие. Однажды наступит черед и российской волны.

— Сочинения Пелевина здесь издали почти целиком, но его не знают и мало кто читает...

— Издали, но они не пошли. И я очень сожалела, что так случилось. Он действительно хороший автор, однако не нашел своего читателя.

— Хороших книг давно не появлялось и во Франции. Сотни литературных премий во главе с Гонкуровской раздаются каждый год посредственным сочинениям...

— Многие трудности происходят из направления поиска. Ищут новое, но не истинное. Французская литература очень страдает по той причине, что писатели придумывают какие-то стилистические, простите, загогулины. Некоторые все-таки имеют душу и умеют ее выразить, но таких немного.

— Первые труды Маринины появились во Франции пару лет назад, а вот наш самый популярный сегодня литературный герой Эраст Фандорин здесь абсолютно неизвестен... Я вижу на вашем столе как раз книгу Б.Акунина...

— Маринина писатель не той категории, которой я интересуюсь. Спускаться к ней от Тьнянова, конечно, нельзя. Акунина мне дали просто почитать, посмотреть, что это такое. И я его читаю без энтузиазма.

— Можно ли хорошо жить во Франции литературными переводами?

— Нет. Моя домработница получает больше, чем я за свои переводы. Ни один переводчик не живет своей основной специальностью. У всех вторая профессия. Сейчас я на пенсии, а до этого работала у импресарио Сория, который приглашал во Францию самых известных советских исполнителей — Ойстраха, Когана, а также Большой театр, Театр на Таганке, цирк.

— Над чем вы сейчас трудитесь?

— Только что закончила перевод пьесы Николая Коляды «Полонез Огинского».